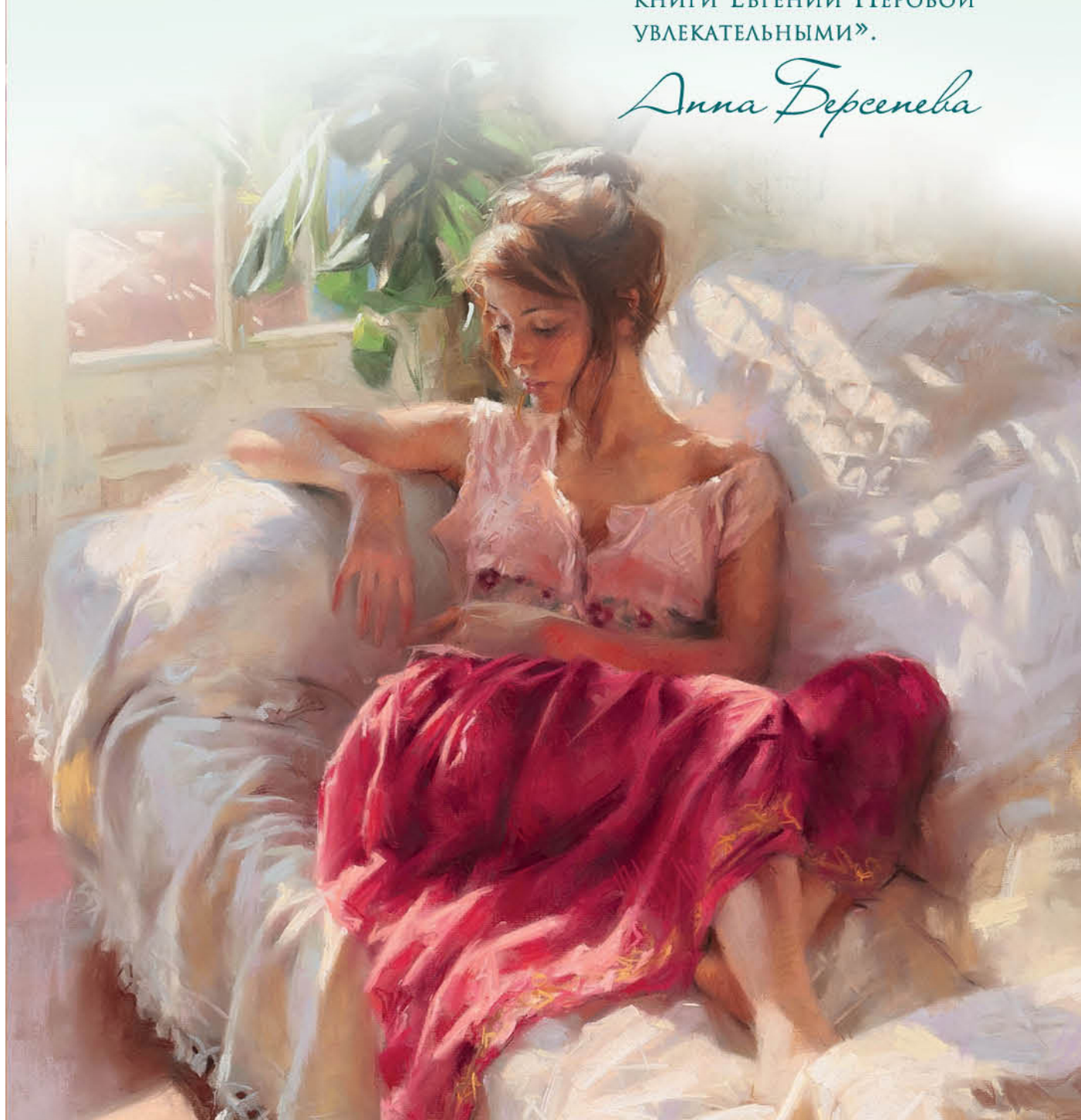

ЕВГЕНИЯ ПЕРОВА

*Полука
твы огня*

«ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ
И ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ
ВАЖНЫ ДЛЯ МЕНЯ В
ЖИЗНИ И В ЛИТЕРАТУРЕ.
СОЕДИНЕНИЕ ЭТИХ КАЧЕСТВ
С ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫМ
ТАЛАНТОМ И ДЕЛАЕТ
КНИГИ ЕВГЕНИИ ПЕРОВОЙ
УВЛЕКАТЕЛЬНЫМИ».

Анна Берсенева

Счастье мое, постой! Проза Евгении Перовой

Евгения Перова
Только ты одна

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Перова Е. Г.

Только ты одна / Е. Г. Перова — «Эксмо», 2019 — (Счастье мое, постой! Проза Евгении Перовой)

ISBN 978-5-04-101088-1

Лера и Юрий, вырастив сына, через двадцать с лишним лет осознали, что вместе их ничто не держит. А вскоре Юра влюбился в другую. И Лера, узнав об измене мужа, подала на развод и решила начать новую жизнь: сменила работу, встретила мужчину. Но пришло ли к обоим счастье, к которому они стремились? Ведь проблем после развода обнаружилось еще больше...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101088-1

© Перова Е. Г., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Евгения Перова

Только ты одна

Фото автора на обложке *С. Курбатова*

Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения случайны

© Перова Е., текст, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Часть первая Волковы-Зайцевы

Глава 1 Изменщик коварный

*Ты вспомни, изменщик коварный,
Как я доверялась тебе!*

Народная песня

Спать хотелось ужасно, но Лера решила дожидаться мужа. Она только что увидела его в новостях: корреспондент рассказывал о премьере оперы в Большом театре, недавно открывшемся после реконструкции, и на заднем плане среди публики Лера заметила Юрку. Вот это да! На оперу пошел, надо же – и ни слова не сказал. А ведь он терпеть ее не может.

Услышав вопрос Леры, муж вдруг вспыхнул:

– А что тебя так удивляет? Почему я не могу пойти в театр?

– Но ты же...

– Что – я же?

– Почему ты меня не взял? Я бы с удовольствием...

– Тебя?

Лера похолодела – муж смотрел на нее чуть ли не с ненавистью. Он рванул галстук с шеи и отшвырнул:

– Да ты посмотри на себя! В кого ты превратилась? С тобой же стыдно в люди выйти!

– Юр, что ты говоришь такое?

Лера взялась за горло – вдруг стало трудно дышать. Она уже давно не была той хрупкой малышкой, которая когда-то так понравилась Юрке, – к сорока годам сильно поправилась и никак не могла сбросить вес. Да и не такая уж она и толстая, всего-то семьдесят килограмм! Ну хорошо, семьдесят пять. Конечно, для ее роста – метр шестьдесят – это много, но Лера ничего не могла с этим поделать, как ни старалась. Ела очень мало, но никак не худела. И Юра все это прекрасно знал.

– Что ты на меня уставилась? Ты в зеркало посмотри. Просто жаба какая-то!

Но Лера смотрела на мужа: высокий, стройный, красивый, он выглядел гораздо моложе своих сорока пяти. И сам хорош, и костюм у него просто шикарный. Лера представила себя: маленькая, толстенькая, ноги буквой «икс», на голове невразумительные лохмы. Конечно, он прав. Ей хотелось плакать, но она улыбнулась и сказала:

– Ну ладно, расскажи хоть, как оно было. Тебе понравилось?

– Да не буду я ничего рассказывать. Что ты пристала? Я устал. И жрать хочу!

– Что ты орешь? Сейчас подам.

Он никогда не поправлялся. Все сгорало, как в печке. И Лера испытывала невероятные страдания, готовя бесконечные котлеты, рулеты, запеканки и солянки. Сама она питалась обезжиренными йогуртами и салатными листиками. У нее засосало под ложечкой: последний раз Лера ела в шесть, а сейчас было почти двенадцать. Но подать она ничего не успела, потому что в дверях появился их сын. Он мрачно посмотрел на родителей:

– Развлекаетесь? Может быть, папочка, ты перестанешь скандалить и просто скажешь, в чем дело? Учти, я все знаю!

Федор уже полгода жил отдельно, на их старой квартире, но Лера никак не могла к этому привыкнуть и страшно скучала. Длинный, странно постриженный, с дурацкой серьгой в ухе и татуировкой на предплечье – господи, когда ж он вырос? Ведь совсем недавно на руках носила!

Федя прошел на кухню и сел рядом с матерью. Лера мгновенно успокоилась и прислонилась к плечу сына, с некоторым изумлением наблюдая происходящие с мужем метаморфозы: только что пылавший от негодования, он вдруг побледнел, окаменел и чуть ли не уменьшился в росте.

– А в чем дело? – спросила она, переводя взгляд с мужа на сына. – Юр? Федь?

Юра открыл было рот, но махнул рукой и опустил голову.

– Что, не хватает смелости признаться? – зло усмехнулся сын. – Тогда я скажу.

– Да что случилось-то?

– Дело в том, мама, что он завел себе девушку.

– Девушку? Какую девушку? – Лера все еще не понимала.

– Мама! Любовницу!

– Любовницу?

Так вот в чем дело! И почему она раньше не догадалась? Ведь Юрка давно ее шпынует, придирается без конца: то не так, это не эдак! Ну да, почти сорок пять мужику. Бес в ребро.

– И кто она? Это с ней ты в театре был? Юра?

Но ответил опять Федор:

– Моя ровесница, представляешь?

– Блондинка?

– Да нет, брюнетка. Такая красотка, ноги от ушей! Мам, ну не надо...

Лера закрыла лицо руками, плечи ее тряслись. Юра сморщился и отвернулся. Но когда Лера подняла голову, оказалось, что она смеется.

– Мам, ты что?

– Да смешно же! Федь, ты только представь: голова, уши, а потом сразу ноги. Монстр какой-то.

Федя, не выдержав, тоже засмеялся, а Юра вдруг ожил и, опять страшно покраснев, заорал:

– Придурки!

И вылетел из квартиры, хлопнув дверью. Стало очень тихо. Лера разглядывала свои руки – короткие пальцы, никакого маникюра. А у той девицы наверняка и руки ухоженные, и кожа атласная, и волосы струящиеся, как в рекламе шампуня. И ноги от ушей.

– Мам, ты только не плачь. Зря я сказал, да?

– Ничего, все нормально. А ты чего приехал-то?

– У меня вся еда кончилась.

– Бедный. Сейчас я тебя покормлю. Суп будешь? У меня фасолевый.

Федя тоже все время ел, так что Лера по-прежнему готовила на двоих мужиков, причем у каждого были свои любимые и ненавистные продукты, и Лера изошрялась изо всех сил, пытаясь угодить обоим. Федя обожал картошку во всех видах и не выносил брокколи, а муж мог есть борщ или харчо даже на завтрак, но любил разнообразие. Поэтому Лера делала много разных заправок для бульона и замораживала их впрок, чтобы потом быстренько изобрести совершенно новый суп. Еще хорошо, что сын сам приезжал за едой, и Лера старалась не думать, как Федор разъезжает по Москве на своем невероятном мотоцикле.

Лера разогрела суп, а картофельная запеканка была еще теплая. Достала сметану, запеченное мясо, маринованные огурчики, которые он так любил. Федя наворачивал суп, поглядывая на мать, а Лера рассеянно смотрела на сына: надо же, какая у него затейливая прическа!

Волосы у Федора были темные, густые, шевелюра богатая – как у нее самой. Федя выбрил себе полосками виски и затылок, но волос все равно осталось еще много: когда он развязывал смешной хвост на макушке, волосы спадали двумя волнами, закрывая выбритые виски. Вырос мальчик. Можно гордиться: умный, самостоятельный. И красивый. Как отец.

– Федь, а откуда ты знаешь про девушку? – внезапно спросила она, и Федор вздохнул: теперь он страшно жалел, что вылез с разоблачениями, но уж больно взбесило его отцовское хамство.

– Да случайно получилось. Мы недавно тусовались вместе в одном клубе, она подружке хвасталась, а я рядом сидел.

– А может, это и не он вовсе?

– Он! И зовут Юра, и фирма та же. Я специально выпросил – приврал, что хочу поехать в круиз. Она так распелась, словно фирма ее собственная.

– Может, она там и работает?

– Нет.

– И что, у них с Юрой все так серьезно?

– Замуж собралась. Ей подружка говорит: «Будешь семью разбивать?», а она: «Легко! Он у меня из рук ест».

Федя вспомнил, как красотка выразительно похлопала ладонью по бедру, обтянутому плотной джинсовой тканью: «Я ему только свистну: к ноге! Тут же прибежит и хвостиком завиляет». Но матери он не стал это рассказывать.

– Мам, я останусь? А то поздно уже.

– Конечно, оставайся, – машинально ответила Лера, все так же рассеянно глядя в пространство. Потом протянула руку, вытащила из банки огурчик и звучно хрумкнула, откусив. Подумав, отрезала кусок мяса, намазала горчицей и съела. Прожевав мясо, Лера поднялась, достала тарелку, положила себе картофельной запеканки, щедро сдобрила сметаной... Федя смотрел, вытаращив глаза:

– Ты же не ешь такое!

– Теперь ем. Федюш, тыпустишь меня к себе пожить? Только до мая. Потом я на дачу съеду.

– Мам, что ты спрашиваешь? Конечно, живи! Я только захламил там слегка, надо бы прибраться. А ты что – решила уйти? Зачем? Пусть он уходит!

– Федя, я не могу тут оставаться. И его видеть не хочу. Я вещи соберу, а ты вызови мне такси, ладно?

– Так ты прямо сейчас? Мам, ты что? Ночь уже! Давай до утра отложим.

Лера посмотрела на часы – ну да, второй час. Пока она соберется, пока доедет...

– Ладно, тогда утром.

Федя чмокнул мать в щеку и тревожно заглянул ей в глаза. Он считал себя вполне взрослым и самостоятельным, но первый же удар судьбы отбросил его назад в детство, когда мама так хорошо все понимала и тут же кидалась спасать, утешать и воодушевлять. И он даже не подумал, что теперь ему самому придется спасать маму.

Эта мысль пришла к нему не сразу: заснуть Федор не мог и невольно прислушивался к происходящему в квартире – мать долго не ложилась, потом все стихло, но... Что это за звуки? Она плачет? Федя встал и поплелся к матери – как ее утешать, он решительно не понимал. Да и чем утешить, если отец оказался такой сволочью. Девица, конечно, очень красивая, тут не поспоришь. Но какая-то неприятная.

А Лера рассеянно побродила по квартире, словно прощалась. Да ведь и правда прощалась! Все здесь было сделано если не ее руками, то по ее выбору и указаниям. Старый дом, две объединенные коммуналки, куча денег, два года ремонта – и вот вам роскошное жилище с тремя спальнями, гостиной, кабинетом и большой кухней-столовой. Вот этот шкаф с инкру-

стацией она увидела в антикварном магазине и загорелась, хотя цена впечатляла, да еще и за реставрацию пришлось заплатить, но оно того стоило. Вся мебель была светлой, Лере так хотелось. Кроме кабинета, в котором преобладало красное дерево. Особенно она гордилась шторами – в каждой комнате были свои, в тон обоям и обивке. Впрочем, Лера почти все время проводила на кухне, а по комнатам проходила только с пылесосом и тряпкой. Кухня была попроще и поуютней. Там всегда вкусно пахло корицей и свежемолотым кофе, а когда Лера запекала мясо, пряные ароматы расплзались по всему дому. Она любила готовить, хотя почти ничего из приготовленного не ела. А чем ей еще было заниматься? Сын вырос, муж все время занят на работе... Муж!

Лера снова расстроилась. Пошла в ванную, влезла под душ и поревела вволю. Вернувшись в спальню, она скинула халат и взглянула на свое отражение в большом зеркале: ну да, все так и есть – нескладная фигура, ноги буквой «икс», складки жира на боках, а на лицо лучше вообще не смотреть. Действительно, во что она превратилась? Двадцать лет назад она была легкая, как перышко, все косточки наперечет... Лера улеглась в постель, накрылась с головой одеялом и снова заплакала, ощутив мучительный приступ горя, обиды и злости. Совершенно забыв про сына, спящего в соседней комнате, Лера рыдала в голос: «На что я потратила свою жизнь?! На что-о...»

– Мам, не надо!

Прибежавший Федя обнял ее, и Лера вздрогнула от неожиданности.

– Зайца, не плачь! Пожалуйста!

Лера тут же села, вытерла зареванное лицо и тоже обняла сына:

– Не буду, не буду. Прости меня, Медвежонок.

Лера ненавидела свое имя: Элеонора Зайцева, просто кошмар. Да еще Михайловна. Когда они с Юркой собрались пожениться, друзья подначивали: а вы возьмите двойную фамилию: Волковы-Зайцевы – это ж прямо басня Крылова. И даже дали Лере с Юрой общее прозвище «Ну, погоди!». Юрка нисколько на волка не был похож, а вот Лера – вылитый мультяшный заяц. Это был ее коронный номер на Новый год: нацепить ушки и спеть тонким заячьим голоском: «О, солие мио!» – все так и рыдали от смеха. Вслед за друзьями муж и сын тоже стали звать Леру Зайцем. Сам Федя был Медвежонком, хотя Юра и посмеивался: «Разве это Медвежонок? Худоба одна». Они с отцом устраивали шуточные драки подушками, и Федя в пылу сражения кричал: «Я сильный, сильный! Но легкий». Внешне Федя мало напоминал Винни-Пуха, скорее был похож на Тигру с его прыгучестью, но в характере мальчика и правда было что-то основательное и упорное: маленький мужичок, как говаривал его дед. А маму, сколько ни поправляли родители, Федя упорно называл Зайца: «Как вы не понимаете? Заяц – это мальчик, а девочка – Зайца!» Все Федино детство они играли в Зайцу и Медвежонка, а теперь целый Медведь вырос, но по-прежнему не мог видеть, как мама плакала. Вот и сейчас у него самого выступили слезы:

– И зачем я только сказал тебе... А теперь вон что вышло...

– Правильно сказал. А я-то все думала, чего он на меня так взъелся? Теперь хоть понятно. Я не буду больше плакать. Просто вспомнилось прошлое: как поженились, как ты родился. Разное вспомнилось.

Лера нежно погладила сына по голове, по щеке, потом поцеловала:

– Не переживай. Я справлюсь. Я сильная.

– Мам, ты... Ты Валечку вспомнила, да? – тихо спросил Федя, глядя на мать с состраданием.

– Да, – так же тихо ответила Лера и еще раз поцеловала сына: – Не бойся, все будет хорошо. Мы не пропадем.

– Да никогда! Я не дам тебе пропасть. Ты же самая лучшая в мире Зайца.

– Медвежонок... Что бы я без тебя делала?..

Глава 2

Волки и Зайцы

*А нам все равно, а нам все равно,
Станем мы храбрей и отважней льва...*

Песня про зайцев из кинофильма «Бриллиантовая рука»

Лера собрала свои вещи, которых оказалось неожиданно мало: все уместилось в чемодан, рюкзак и пару больших синих мешков для мусора. Она никогда не была барахольщицей – с трудом отыскав наряд на свой нестандартный размер и рост, она ходила в нем, пока не развалится, в отличие от мужа, шкаф которого ломился от костюмов, рубашек, джинсов и свитеров, а уж галстуков вообще была целая коллекция. Лера подумала, что большая часть коллекции подарена ею: за двадцать с лишним лет штук сорок, поди, набралось – дарила и на день рождения, и на Новый год и на 23 февраля. Вот этот первый! Смешной, сейчас такие не носят. А этот она купила в Германии – во время единственной ее зарубежной поездки с мужем. Федю они тогда оставили на бабушек и пережили что-то вроде второго медового месяца. Впрочем, в этом меде было слишком много дегтя. Лера прошлась по комнатам: не забыла ли чего? Подумав, взяла еще два комплекта постельного белья и несколько полотенец, забрала из холодильника запеченную свинину в фольге, йогурты и кочанный салат с огурцами. Да, еще где-то была гречка...

Федя грустно следил за ее сборами:

– Мам, ты хорошо подумала? Может, все-таки не надо отсюда уезжать? Если вы будете разводиться, то тебе половина всего имущества принадлежит!

– Федя, я в курсе. Потом разберемся с имуществом. Ну что? Как там такси? Я готова. Ах, да!

Она сняла с пальца обручальное кольцо и положила на стол. Рядом легла связка ключей.

– Всё, пошли.

Федор только вздохнул. Достал из кармана свои ключи и кинул к материнским.

– Федь, но тебе не обязательно так поступать, – всполошилась Лера. – Отец всегда остается отцом. Это я ему не нужна, а ты...

– Раз ты ему не нужна – он мне не нужен. Идем.

Лера пошла было к двери, но вдруг вернулась – на столе стояла ее любимая чашка с зайцем, когда-то – сто лет назад! – подаренная мужем. Лера взяла чашку и со всего маху бросила на пол. Чашка разбилась.

Федя уехал вперед на своем мотоцикле и к приезду матери успел слегка прибраться. Правда, ему только так казалось, потому что Лера сразу засучила рукава и принялась за уборку и перестановку. Эту трехкомнатную квартиру Волковы купили, продав две старых – свою и оставшуюся от родителей Леры. Квартиру свекрови они некоторое время сдавали, но потом, затеяв очередное переселение, тоже продали. Так что Лера последние лет семь жила в сплошном ремонте и переездах.

С помощью Федора она свила гнездо в одной из больших комнат, оставив ему две остальные. В самой маленькой уже был его «офис» – два навороченных компьютера и музыкальная установка.

– Федюш, а ты поможешь мне работу найти? – спросила Лера, глядя на сына, который снимал старые запылившиеся шторы и вешал чистые. – У тебя же друзей полно, вдруг кому что нужно. Правда, даже не знаю, на что я теперь гожусь. Если только в уборщицы податься.

– Мам, ты что? Какие уборщицы? Конечно, мы найдем что-нибудь! А про деньги ты даже не думай – у меня пока есть.

Лера только покачала головой – добытчик! Она очень плохо представляла, чем зарабатывает на жизнь ее сын, но Федя всегда покупал ей дорогие подарки, да и всю технику приобрел на собственные деньги. Лера знала, что Федор «компьютерный гений» – еще в седьмом классе его так назвал учитель физики, но как на этом можно зарабатывать, она не представляла, хотя сын несколько раз пытался объяснить, что именно он делает. Про аккаунт или контент Лера еще понимала, но все прочее было для нее темным лесом: трастовый сайт, поисковая оптимизация, индексация, дорвей, маршрутизатор, куки, кэш... Нет, никогда ей не постигнуть эту «высшую ксенологию»! На самом деле это все были «семечки», а главные свои деньги Федор зарабатывал, сочиняя музыку к компьютерным играм – не зря в детстве мучился в музыкалке. Это была идея бабушки Розы, которая сама и водила мальчика на занятия. К шестому классу Федя сумел отбиться от музыки, но неожиданно полученные знания пригодились.

А Лера, начав убираться, все никак не могла остановиться: процесс уборки отвлекал ее от горестных мыслей. Но время от времени она бросала тряпку, которой оттирала плиту или холодильник, и замирала, устремив рассеянный взор в пространство: «Почему мне так больно? Так обидно?» Она старалась не заглядывать в зеркала, но все равно смотрела, расправляя раны. Лера немного поправилась сразу после рождения сына, но тогда Юре это даже нравилось, потому что Лера стала более женственной. «Ты мой Толстик Брендизайка!» – умиленно говорил он, с удовольствием тиская ее «мягкости и округлости». Лера «Хоббита» не читала и на Толстика обижалась, но больше в шутку. А потом она начала неудержимо полнеть. И вот, пожалуйста, – жаба! Неизвестно, сколько времени Лера себя изводила бы, но через неделю после вечера разоблачений позвонил Волков – у Леры даже руки задрожали, и она не сразу смогла взять мобильник. Судя по голосу, он тоже нервничал, но совсем не из-за того, о чем думала Лера.

– Как у тебя дела с отелями? – сразу спросил он.

– Какими отелями?

– Лер, ты вообще занимаешься маршрутом или нет? Дедлайн пятнадцатого!

Лера совершенно забыла про этот тур, да и неудивительно: какие туры, когда вся жизнь рухнула. Она помогала Юре составлять планы VIP-поездки: маршруты, отели, экскурсии, автобусы, состыковка всего со всем – эдакая головоломка про волка, козу и капусту. А клиенты были капризные, одно начальство. Лера уже открыла рот, чтобы начать оправдываться, но опомнилась:

– А почему я вообще должна этим заниматься? Я не твой сотрудник.

– То есть как?

– Так. Зарплату ты мне не платил, я просто помогала тебе, как хорошая жена. А теперь мы разводимся. Так что иди к черту с твоим дедлайном!

– Лера! Ты же меня без ножа режешь!

– Вот и прекрасно. Так тебе и надо.

– Лера, помоги мне. Последний раз.

– У тебя полно сотрудников, пусть работают.

– Да они не в теме!

– Вот и введи их в тему.

– Лера, пожалуйста! Думаешь, мне легко к тебе обращаться?

– А ты обратись к своей любовнице.

– Лера, я же на тебя надеялся! Где твое чувство ответственности?

– Я на тебя тоже надеялась.

– Хорошо, я тебе заплачу, – помолчав, обреченным тоном сказал Юра.

– Это точно. Ты мне за все заплатишь. Готовься к разводу.

– Стерва!

– Да пошел ты!

Лера отшвырнула телефон. Холодная ярость наполняла ее: «Какая же я дура! Из-за кого убиваюсь? Надеялся он на нее, ты подумай!» Лера вздохнула и тут же встряхнулась: ладно, хватит страдать, надо действовать. Она села к столу, взяла ручку и лист бумаги – подумала, кивнула сама себе и принялась составлять список имущества, которое придется делить: «Так, эта квартира – Фебина. Дача – моя, родители в свое время оформили дарственную. Вроде бы дареное не подлежит разделу, надо уточнить. Новая квартира – общая. Вряд ли Волков уступит ее мне. А, собственно, почему нет? Я столько труда в нее вложила! Может, согласится продать и купить две поменьше? Машина... Пусть забирает! Интересно, сколько всего у Волкова денег? На общем счете не так уж и много. Нет, срочно нужен адвокат».

Телефон зазвонил снова, и Лера вздрогнула, но это был Федя, и Лера, не успев подумать, надо ли, рассказала о разговоре с его отцом:

– Ты представляешь? Хватило наглости спрашивать у меня про маршрут и отели!

– Это он зря, – мрачно сказал Федя.

– Точно. А ты чего звонишь-то?

– А, да! Как ты насчет секретаря?

– В смысле?

– Поработать секретарем.

– Конечно! Почему бы и нет?

– Здорово, тогда я дальше договариваюсь. Пока!

– Федя! А где секретарем-то? У кого?

Но Федор уже отключился.

На следующее утро, подъехав к офису, Волков увидел сына: Федя сидел на каменном парапете, вытянув длинные ноги, и быстро набирал сообщение на смартфоне. Рядом лежал шлем, а поодаль стоял, сверкая металлом, мотоцикл, которому Волков в глубине души страстно завидовал. Заметив отца, Федя поднялся и официальным тоном произнес:

– Доброе утро, Юрий Всеволодович. Надо поговорить.

– Пойдем, – вздохнул Волков.

Они прошли в кабинет, Юрий Всеволодович приглашающе махнул рукой в сторону посетительского кресла, но Федя сел в отдалении, у стены, хотя и напротив отца.

– Федор, послушай... Дело в том... Наши с мамой отношения...

Волков не знал, что говорить. Федя усмехнулся:

– Не парься. Я примерно представляю, что ты скажешь. Ваши с мамой отношения меня не касаются, даже если вы разведетесь, я всегда буду твоим сыном и прочее бла-бла-бла.

– Федя, но ты же взрослый! Ты должен понимать, что в жизни мужчины бывают такие моменты, которые...

– Тебя посетила неземная любовь? А двадцать лет жизни с мамой были ошибкой?

Отец с сыном смотрели друг на друга: отец с тоской, сын со злобой. Они были очень похожи – высокие, худощавые, длинноногие, темноволосые и носатые. Только глаза у Феи были как у матери, светло-карие, очень яркие.

Волков вдруг невольно вспомнил, как Лерка таращила на него свои глазищи, полные восторга и изумления, когда они первый раз поцеловались, и в панике подумал: «Черт, что я делаю?» И в ту же секунду зазвонил мобильник – это была Алина, та самая «неземная любовь». «Она ведьма, не иначе!» – вздрогнул Юра и пробормотал в ответ на ее бодрое щебетание: «Я перезвоню...»

– Ладно! К черту разговоры! – сказал Федор и поднялся. Подойдя к столу, он протянул отцу сложенный лист бумаги.

Волков с недоумением развернул:

– Что это?

– Это счет. Ты мне должен.

– Федь, если тебе нужны деньги, я всегда готов... – Волков вчитался в документ: – Что? Ты совсем оборзел?!

– Мне не нужны твои подачки. Но я пять лет пахал на тебя, как папа Карло. Я фактически был твоим системным администратором, не получая за это ни копейки. Не говоря уж о том, что я довел до ума твой бездарный сайт и раскрутил его.

– Федь, но три миллиона?!

– Три с половиной. Рублей, а не долларов. Всего ничего. Посчитай сам, если не веришь. В Москве любой сисадмин меньше шестидесяти штук не получает. Умножь на двенадцать, потом на пять – я еще округлил в твою пользу.

– Федя, у меня нет сейчас таких денег! Свободных нет.

– Это твои проблемы. Если в течение двух недель деньги не придут на мой счет, ты пожалеешь. – И Федор подал отцу вторую бумагу: – Вот реквизиты.

– Ты что, мне угрожаешь?

– Да, – спокойно ответил сын. – И у меня получается. Короче, если денег не будет, я заблокирую твою почту и обрушу твой сайт. Ты понимаешь, что это значит? Тебя не будут находить поисковики, все ссылки станут битыми, телефоны перестанут звонить, а заказы – поступать. Представляешь, кто-нибудь набирает в поисковике: Flying Bear, а получает: «Быть может, вы искали: Flying Bear мошенники?» Ты этого хочешь? Клиенты будут отваливаться пачками.

– Ты не посмеешь!

– Еще как посмею.

– Я же твой отец!

– Ага, а я твой сын. И многому у тебя научился. Прощай. – Федор вышел.

Волков некоторое время сидел, тупо глядя в пространство, потом схватил тяжелую пепельницу и, выматерившись, с силой запустил в стену.

Тут же зазвонил мобильник, и Волков рывкнул в трубку:

– Перезвоню!

В ответ раздался спокойный голос Феди:

– Забыл сказать: мать ничего не знает о нашей маленькой сделке. С ней ты будешь сам договариваться о разводе и дележе имущества. А я порекомендую ей подсчитать все твои долги за туры, что она подготовила. Пока, папочка.

– Пока, – растерянно ответил Волков. Да что же это такое? Он посидел, уныло глядя в окно, потом достал из нижнего ящика стола пузатенькую бутылочку коньяка и выпил прямо из горлышка. Еще подумал и решительно набрал номер Алины, а потом улизнул с работы, сказав секретарше, что поехал «по объектам».

«Объектов» в ведении Волкова, действительно, хватало. Flying Bear был очень крупным «медведем» среди прочих тур-операторов: фирма имела множество агентств в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде и Екатеринбурге. Юре нравилось руководить, встречаться с зарубежными партнерами, снисходительно улыбаться хорошеньким сотрудницам, которые не оставляли надежд привлечь внимание самого молодого и красивого начальника. Но работа – это святое.

Прежние обязанности Волкова тяготили, так что он, став заместителем генерального директора и переложив эти нудные проблемы на плечи хорошеньких сотрудниц, вздохнул с облегчением. А сейчас ему вообще не было дела ни до каких «объектов» – он рванул в отель, где заказал в номер красное вино, сладости и фрукты, а потом стал ждать Алину – мучительно и нетерпеливо.

Глава 3

*Счастливая семья
Она идет по жизни, смеясь.
Она легка, как ветер, нигде на свете
Она лицом не ударит в грязь...*

Песня Андрея Макаревича

То и дело оступаясь на снежных колдобинах, Лера шла по одному из центральных переулков в поисках нужного дома. А, вот же он! Лера немного потопталась у входа, изучая вывески, – ну да, все верно: центр психологической помощи «Счастливая семья». И редакция журнала «Счастливая семья». И косметический салон тут же, и магазинчик соответствующий: красивая жена – залог семейного счастья, кто бы сомневался. О, еще юридическая консультация! Очевидно, для тех, у кого семейное счастье совсем уж не задалось. Ну да, как раз для нее.

Лера глубоко вздохнула и нырнула внутрь – в холле царил мягкий розоватый свет, сияли зеркала, тут и там виднелись какие-то экзотические растения в кадках и не менее экзотические картины в золоченых рамах. На одной стене висел лохматый зеленый ковер, и только присмотревшись, Лера поняла, что это не ковер, а... газон! Вертикальный газон, на котором кроме короткой травы растут еще разные мхи и лишайники. Лера даже осторожно потрогала один кустик в самом низу – и правда все живое.

Мимо необыкновенного газона, не обращая на него никакого внимания, то и дело пробегали, стуча каблучками, невероятной красоты и гламурности дамы и девицы. Лера взглянула на свое отражение в одном из зеркал и огорчилась: нелепая толстушка, затянутая в черный офисный костюм. А ведь так старательно выбирала! И продавщица убеждала: «Женщина, это прямо для вас». Пуговица на пиджаке все время норовила расстегнуться, юбка задиралась, а белая блузка, заправленная в юбку, то и дело пыталась вылезти на свободу. Эх, если б было больше времени, она нарядилась бы получше! Но Федя сказал о собеседовании только сегодня утром, так что Лера еле успела вымыть голову и нацепить первое, что подвернулось под руку. Собираясь, она ворчала на сына, а сонный Федя, героически поднявшийся в несусветную для себя рань, недоумевал:

- Что не так-то? Ты нормально выглядишь.
- Конечно! Почему ты вчера мне не сказал?
- Ну, прости, я забыл. И потом, ты уже спала, когда я вспомнил.
- Надо было разбудить!
- Ага, чтобы ты всю ночь волновалась?
- Заботливый ты мой! Ладно, я побежала.
- Удачи.
- Иди к черту. Ой... Спасибо, зайка!
- Ты все перепутала, – крикнул Федя ей вслед. – Зайца – это ты! А я – Медведь...

В лифте Лера еще раз быстренько осмотрела себя в зеркале: взволнованное лицо с горящими щеками, испуганные глаза. Она провела рукой по непослушным волосам, вышла из лифта и решительно направилась к кабинету госпожи Кузнецовой, владелицы всего этого «семейного счастья», а также юридической конторы и салона с бутиком. «Владелец заводов, газет, пароходов», – вдруг вспомнила Лера стихи Маршака про мистера Твистера, которые читала маленькому Феде. Но «владелицы заводов, газет, пароходов» на месте не оказалось, хотя дверь в ее кабинет была гостеприимно распахнута. Лера не рискнула войти и скромно села в приемной, оглядываясь по сторонам: светлые шкафы, большой компьютерный стол, кофе-

машина в углу, такие же, как в холле, странные картины по стенам. Тут в приемную словно вихрь ворвался – явилась госпожа Кузнецова. Взглянула на Леру, потом на большие настенные часы и улыбнулась:

– О, вы уже здесь. Доброе утро! Проходите.

– Здравсте, – пискнула Лера и порадовалась, что пришла пораньше: до назначенного времени было еще три минуты.

– Присаживайтесь.

Ада Львовна уселась за свой стол – тоже большой и роскошный. Лера села напротив и протянула резюме. Ада Львовна надела очки и принялась изучать резюме. Пышная копна светлых волос, выразительные серые глаза, сочная помада, раскованные манеры – сильная, энергичная, уверенная в себе женщина. Лера с трудом подавила вздох, мгновенно почувствовав себя слабой, закомплексованной и неуверенной. Но тут Ада Львовна взглянула на Леру и улыбнулась, а на ее щеке появилась очаровательная ямочка:

– Замечательное резюме. И богатый опыт. Почему же вы ушли из фирмы?

Лера поняла, что совершенно не может врать этой женщине. Она помолчала, потом сказала, опустив голову:

– На самом деле официально я работала только воспитателем в детском саду и библиотекарем в школе, где учился сын. В общей сложности лет пять. Потом я... В общем, мой муж работал в турфирме, а я ему помогала. Но в резюме чистая правда! Я действительно всем этим занималась. И получалось неплохо. Логистика – моя сильная сторона.

– Вон оно что. Фирма принадлежит вашему мужу?

– Нет. Он заместитель генерального директора.

– И вы ему помогали – назовем это так – на протяжении почти десяти лет. Зарплату он вам, конечно, не платил.

– Не платил.

– А что случилось? Почему вы?..

– Мы разошлись. Так что теперь мне нужна настоящая работа.

– А что послужило причиной?

Лера пожала плечами:

– Он встретил другую женщину.

– Моложе?

– Да. Сильно моложе. Ровесница нашему сыну.

Лера невольно усмехнулась, вспомнив «ноги от ушей». И почему ей так стыдно? Она же ни в чем не виновата! Или виновата?

– На самом деле мы могли гораздо раньше развестись, – продолжила она, сама не понимая, зачем рассказывает все это госпоже Кузнецовой. – По другой причине. Но я подумала... В общем, мне показалось, что правильнее будет остаться с ним: я же сама его выбрала. И должна нести ответственность за свой выбор. А теперь он сам меня бросил.

– Понимаю, как вам тяжело и обидно. Не обращались к психотерапевту?

– Нет, пока сама справляюсь.

– Могу посоветовать хорошего. Мне в свое время очень помог.

– Но... Разве вы сами не психотерапевт?

Ада рассмеялась:

– И у психотерапевтов есть свои психотерапевты! Врач же не может лечить себя сам. А развод вы уже оформили?

– Нет. Пытаемся договориться, но плохо получается.

– Хотите, порекомендую вам хорошего адвоката?

– О, спасибо! Но это же, наверное, дорого?

– Вы заплатите ему аванс, остальное – по итогам развода. Вот, возьмите его визитку. Не пожалеете. Ну что ж, – Ада улыбнулась. – Я вас беру. Когда можете приступить?

– Завтра.

– Хорошо. Тогда сейчас вы оформите все документы. Вас проводят. Александр, подойдите ко мне в кабинет, пожалуйста, – произнесла Ада в телефон, нажав пару кнопок, потом продолжила: – Завтра я жду вас к девяти. В десять часов у меня будет совещание, и я вас представлю народу. Потом я уеду по делам, а вы будете тут обустраиваться и держать связь со мной. Компьютер вам еще сегодня подключат. Рабочий день, как вы поняли, с девяти до шести, возможно, иногда придется задерживаться. Но я могу и отпускать вас пораньше, если что. Вы будете вести мое расписание, напоминать о встречах, отвечать на звонки, набирать тексты – под диктовку и с рукописи. Возможно, вам придется ездить со мной в командировки. Так, что еще? А, кофе! Вы умеете пользоваться этой навороченной штукой в приемной?

– Освою!

– Хорошо. У нас есть комната отдыха для сотрудников, там можно перекусить. Да, самое главное! Платить я вам буду...

Тут Ада Львовна назвала такую сумму, что Лера чуть не подпрыгнула на стуле: ничего себе! На такое она и не рассчитывала.

– Плюс годовая и квартальная премии. Вас устраивает?

– Да! Очень!

– Тогда это все.

Тут Лера не выдержала и рассмеялась, Ада спросила, чуть усмехнувшись:

– Что смешного?

– Простите! Но вы вдруг напомнили мне героиню фильма. Она тоже все время так говорила: «It's all!» Мерил Стрип играет.

– «Дьявол носит “Прада”»?

– Да!

– Надеюсь, я не такая стерва, как Миранда Престли! – рассмеялась Ада Львовна. – Хотя подчиненные и прозвали меня «Исчадь Ада».

– Да и я не Энди Сакс, прямо скажем.

– Кстати об Энди Сакс! Лера, у нас нет жесткого дресс-кода, поэтому вы можете одеваться, как вам удобно и привычно. В разумных пределах, конечно. А, вот и Саша! Познакомьтесь, это наш компьютерный гуру, Александр Удалов. Саша, вы не могли бы заняться компьютером Леры? Только сначала покажите ей, где обитает менеджер по персоналу, хорошо?

Когда Лера вернулась от менеджера, оказалось, что Александр сидит в приемной, за столом секретаря, и шелестит клавишами.

– Комп совершенно новый, прежняя секретарша старый ухандокала насмерть! Я уже загрузил некоторые нужные документы и завел вам электронную почту. Вот тут я записал пароли – не держите на виду. Можете потом поменять, если захотите. Давайте я вам покажу, как тут и что. У нас есть внутренняя сеть для обмена информацией... Вы в ладах с этой техникой?

– Я опытный пользователь, – строго ответила Лера. Александр взглянул на нее смеющимися глазами:

– Даже не сомневался. По поводу вирусов, принтера, сканера и прочего сразу звоните, вот мой номер. – Он ткнул пальцем в строчку на листе с местными телефонами. – И просто так обращайтесь.

– Хорошо, – улыбнулась Лера. – Обращусь!

Выйдя на улицу, Лера с трудом удержалась, чтобы не подпрыгнуть и не завизжать от радости: ее взяли, взяли! Вместо Леры завопил Федор, которому она тотчас позвонила:

– Ура! Здорово! А ты волновалась. И меня еще ругала.

– Федька, я тебя обожаю! Спасибо, дорогой. Отметим сегодня, да? Ты как, вечером дома?

Слушай, а этот твой мастер, он только мужчин стрижет или женщин тоже?

– Мастер? А-а, Стефан! Стрижет и женщин, а что?

– Ты можешь меня к нему пристроить? Прямо сейчас?

– Попробую. Я тебе перезвоню минут через пять.

Через пять минут Лера бодро пробиравась по снежным заносам к метро и переживала, потому что Федя не велел платить мастеру: «У меня с ним свои расчеты». Но вдруг все-таки придется? А у нее денег с собой мало. Или можно с карты? Войдя в салон, Лера распереживалась еще больше, потому что явно не вписывалась в обстановку. Но Стефан оказался вовсе не татуированным мачо, вроде одного из мастеров, который виртуозно щелкал ножницами над головой клиента, а вполне цивилизованным молодым человеком с усами и стильной бородкой. Он усадил Леру в кресло, осмотрел, чуть прищурившись, ее голову, потрогал волосы, потом сказал:

– Вы так похожи на брата. Даже волосы одного типа, надо же.

– На брата? – поразились Лера.

– На Федора. Вы же его сестра?

– Нет, что вы! Федя мой сын.

Стефан тоже изумился и даже развернул кресло Леры к себе:

– Не может быть! Федор сказал, что придет Лера, я решил – его девушка, а увидев вас, подумал: старшая сестра. Вы очень молодо выглядите.

– Ну, я родила его в восемнадцать...

– Какую именно стрижку вы хотите?

– Что-нибудь современное, стильное. Но не экстремальное! – Лера вспомнила Федины виски, пробритые полосочками. – У меня новая работа, понимаете? И хочется выглядеть прилично. Вы не смотрите, как я одета, – все будет другое.

– Понятно, – рассмеялся Стефан. – Сейчас вы под прикрытием.

– Вроде того, – вздохнула Лера.

Стефан уговорил ее подкрасить волосы тоном, чтобы придать легкий оттенок красного дерева: кожа от этого стала жемчужно-розовой, а глаза еще более яркими. Пока ее стригли, красили и делали маникюр, Лера размышляла о своем гардеробе. Дома она тут же кинулась доставать с антресолей коробки – искала темно-серую длинную юбку, когда-то купленную в Германии, которую надевала от силы два раза. С тех пор она, конечно, еще поправилась, но юбка же – стрейч! Пускай она и обтянет бока, но все это безобразие можно будет прикрыть широкой блузой. Юбка оказалась длинновата – раньше Лера ее подворачивала, а теперь быстренько отрезала сверху, подогнула и прострочила, продернув резинку. Блуза тоже была серая, только потемнее. Лера примерила один шарфик, другой... Потом бусы... Нет, все-таки легкий длинный шарф! Он яркий и оживляет, а то все очень серое. И к волосам подходит. В конце концов Лера осталась довольна собой и с удовольствием приготовила торжественный ужин.

На следующий день она так волновалась, что примчалась на работу к половине девятого. Включила компьютер, вошла в почту, почитала документы, которые вчера загрузил Александр... А тут он и сам явился – замер в дверях, вытаращив глаза:

– Это вы?! Вчерашняя Лера?

– Это я, – призналась Лера сегодняшняя. Ей страшно понравилась такая восторженная реакция. – Доброе утро!

– Что-то изменилось в вас... А-а, брови выщипали?

Лера не выдержала и захохотала:

– Этой шутке уже сто лет!

– Вы великолепно выглядите! Потрясающе!

– Вчера я была под прикрытием, – хихикнула Лера, вспомнив Стефана.

Они, улыбаясь, смотрели друг на друга. «А он забавный», – подумала Лера. Потом вспомнила:

– Александр, а вы случайно не знаете, где инструкция к этой кофе-машине? Похоже, она тоже новая.

– Можно просто Саша. Сейчас посмотрим...

И когда появилась Ада Львовна, в предбаннике вкусно пахло свежим кофе. Ада одобрительно покивала, рассматривая Леру:

– Выглядите просто сногшибательно.

– Спасибо. Я старалась.

Несмотря на все опасения, ей понравилось работать секретарем у Ады, хотя поначалу Лера и смущалась: за долгие годы сидения дома она слегка одичала, а теперь оказалась в самом центре бурной жизни. Особенно изумляло Леру то внимание, которое к ней проявляли мужчины: выскочив в восемнадцать лет замуж, она почти не имела опыта общения с кавалерами, да вовсе и не считала новых коллег «кавалерами», думая, что мужиков привлекает не столько она сама, сколько ее должность доверенного лица при госпоже Кузнецовой. Поэтому Лера со смехом принимала комплименты и мелкие подарки, которыми ее одаривали немногочисленные джентльмены, подвизавшиеся в «Счастливой семье».

Глава 4

На пороге перемен

*Приходи ко мне, Глафира, – я намаялся один.
Приноси кусочек сыра, мы вдвоем его съедим.*

Песня дуэта «Иваси»

Так незаметно прошло полгода. Оглядываясь назад, Лера уже не понимала, как могла просидеть дома почти десять лет. Чем она была занята? Хозяйство, воспитание сына, помощь родителям, помощь мужу. На себя она давно махнула рукой, и вот теперь словно производила раскопки, добывая из-под наслоений времени ту семнадцатилетнюю девочку, какой когда-то была. Что она хотела от жизни? От себя самой? К чему стремилась? И что она ждет от жизни сейчас?

А потом произошло одно событие, которое заставило Леру по-другому посмотреть на себя и свои возможности. Она возвращалась из типографии, когда заметила в крошечном скверике перед «Семейным счастьем» плачущую женщину. Лера сначала проскочила мимо, а потом вернулась:

– Могу я вам чем-то помочь? – участливо спросила она.

Женщина, на вид ровесница Лере, замотала головой и заплакала еще горше. Лера присела рядом, сунула ей бумажные платочки, потом бутылочку с водой, которую всегда возила с собой. Женщина благодарно кивнула, отпила воды и вытерла глаза. После осторожных расспросов Лера выяснила, что Аня – так ее звали – на грани развода с мужем.

– Так пойдемте к нам в «Семейное счастье»! Я вас устрою на прием к психотерапевту.

– Я только что от него-о...

И слезы снова хлынули ручьем. В конце концов Лера во всем разобралась и увела Аню из сквера к себе в приемную. Приготовила кофе, подала печенье, а сама постучалась к Аде Львовне и рассказала историю Анны:

– Разве это правильно, что человек выходит от психотерапевта в слезах?

– Нет, неправильно. Это был ее первый сеанс? Тогда тем более. У кого она была?

– У Синицыной Ирины Павловны.

– А! Хорошо, пригласите Анну, я поработаю с ней, у меня есть полчаса. Еще что-то?

– Может быть, мы могли бы предоставить ей компенсацию? Плохо, если по Москве пойдут слухи, что у нас клиентов до слез доводят. Пусть ее бесплатно постригут в салоне! Это можно?

– Можно, – улыбнулась Ада. – Позвоните и от моего имени попросите принять Анну – стрижка, маникюр, массаж, все, что она захочет. А потом пригласите ко мне Ирину Павловну.

– Ура!

После того как Лера проводила немного ошарашенную Аню в салон красоты, Ада вызвала ее к себе:

– Вы ведь знаете, почему расстроилась клиентка, да? Расскажите мне, пожалуйста, что, по вашему мнению, психотерапевт делал неправильно.

– Да все! Разве так можно? Аня стеснительная, зажатая, ей трудно о себе рассказывать.

– Но вам-то она рассказала?

– Ой, я как клещами вытягивала! А Синицына ее даже не слушала. Постоянно на смартфон отвлекалась. И все время говорила: «Да как вы могли! Нет, вы вообще думали, что

делали!» и всякое такое. И по ее внешнему виду прошла – ну да, у Ани не такая модельная внешность, как у Ирины Павловны, она и сама страдает, а тут ее носом тыкают!

– Вы совершенно правы. Поэтому я и уволила госпожу Синицыну.

– Уволили? – ахнула Лера. – Ну вот, я ее подставила.

– Она сама себя подставила. Ирина Павловна – специалист молодой и очень самонадеянный. У нее уже было два подобных случая, и клиенты жаловались. Не все, получившие специальное образование, могут работать в нашей области и реально помогать людям. Вот у вас должно получиться.

– У меня?! Но...

– Я хочу записать вас на курсы, они будут через месяц, а пока читаете литературу, которую я вам дам. В октябре я сама буду вести занятия, тоже подключитесь.

– И я смогу работать психотерапевтом?

– Не сразу. Понадобится пара лет, я думаю. Вы же педагогический закончили? Вам читали психологию?

– Один семестр. Ада Львовна, но я же... Я с собой плохо справляюсь, как я смогу помогать людям?

– Это разные вещи. Сегодня вы уже помогли Анне – ко мне она вошла совсем в другом настроении, и это сделали вы.

– Да я ничего особенного не сделала! Только кофе сварила.

– Вы смогли ее разговорить и выслушали, а это очень много. Лера, вы же не хотите всю оставшуюся жизнь работать секретаршей?

– Я боялась, что из меня и секретарша-то не получится!

– Вы способны на большее. Ну что?

– Хорошо, я попробую.

– Вот и молодец. Список литературы я вам завтра подготовлю.

Так что Лера теперь в любую свободную минуту утыкалась в книжки по психологии, сама себе удивляясь: ей вдруг стало очень интересно жить. Развод Волковых-Зайцевых был, наконец, оформлен. Адвокат действительно оказался хорошим, так что Лере досталась и квартира, и приличная сумма денег. Квартира пока пустовала, потому что жить там Лера не хотела, а Федя боялся оставить мать одну, хотя она давно уже перестала плакать по ночам. «Может, сдать кому-нибудь? – думала Лера. – А то зря пропадает». Ей вообще-то нравилось вместе с Федей, но она понимала, что взрослому парню нужна свобода. Правда, они редко пересекались: Федя полночи сидел у компьютера, днем отсыпался, по выходным где-то пропадал, а сейчас вообще уехал, отправившись путешествовать по Скандинавии в компании друзей-байкеров, и Лере приходилось общаться с сыном по скайпу и мобильнику.

Плакать по ночам Лера, конечно, перестала, но горестные мысли одолевали по-прежнему. «Почему все так несправедливо?» – думала Лера в четыре утра, вертясь без сна в жаркой постели, потом, не выдержав, вставала и некоторое время бродила по квартире: пила воду, умывалась, иногда даже выходила на балкон. «И что я так страдаю? – мучилась Лера. – Вон, Волков – выскочил из нашего брака, отряхнулся и побежал дальше, веселый и довольный! И не оглядывается! А я? Почему я все копаюсь в прошлом?»

И правда, прошлое заслоняло ей настоящее: Лера еще не осознала, почему так радуется утру понедельника и подолгу прихорашивается перед зеркалом, почему грустит в пятницу вечером, а в выходные так часто вспоминает своего «компьютерного гуру»: «Не забыть рассказать об этом Саше» или «Вот Сашка посмеется». Александр заходил к ней каждый день – просто поболтать. Они встречались за чаем, иногда обедали вместе в соседнем кафе, пару раз Саша подвозил Леру до дома. Он часто дарил ей какие-нибудь забавные пустячки и шоколадки, и Лера даже не задумывалась, что это означает, – просто радовалась, что у нее есть друг, с которым весело и интересно. Наружность у него была самая простецкая, да и ростом

лишь чуть повыше Леры. Не то чтобы она не принимала Сашу всерьез, нет! Он был вполне привлекателен и как мужчина, и просто как человек – спокойный, добродушный, основательный, заботливый. Скорее, Лера не воспринимала всерьез себя.

Последнюю неделю им почти не удавалось пообедать вместе, но Лера все же заметила, что Саша то и дело задумывается о чем-то, да и вообще выглядит расстроенным. Она вопросительно на него поглядывала, но спросить не решалась: захочет – сам расскажет. В пятницу в конце рабочего дня он, как всегда, заглянул к Лере – попрощаться перед двумя выходными. Раньше они не виделись, потому что Лера весь день бегала по делам Ады Львовны.

– Ой, как хорошо, что ты зашел, – воскликнула Лера. – А я как раз собиралась тебе звонить! У меня с ноутбуком какая-то ерунда происходит, а Феди нет. Ты не мог бы посмотреть?

– Давай! Ты его привезла?

– Я не сообразила... Вот балда! Я подумала: может, ты смог бы завтра ко мне подъехать?

– Да я и сегодня могу.

Лера копалась в сумочке, поэтому не видела, какое выражение лица было у Саши.

– Правда? Вот здорово! А то два выходных впереди, а ничего нельзя – ни кино онлайн посмотреть, ни с Федькой по скайпу пообщаться. Конечно, есть его компьютеры, но я даже близко не подхожу – боюсь. Ну что, поехали? Ты на машине?

– Нет, я так.

– О, тогда я тебя повезу! Не забоишься? Я вторую неделю всего езжу. Права-то давно получила, но практики вождения считай что и не было. А сейчас разбогатела после развода, дай, думаю, машину себе куплю. А ты почему сегодня безлошадный?

– Да я машину дочке отдал. Ей нужнее. А вторую покупать сейчас не с руки.

– Повезло твоей дочке.

– Пожалуй. А что у тебя с ноутбуком случилось?

Пока дошли до машины, Лера рассказала Саше компьютерные подробности, но всю дорогу до ее дома они молчали: Саша видел, как напряженно Лера ведет машину, и помалкивал, чтобы не отвлекать. Когда припарковались, Лера сказала с улыбкой:

– Ты прямо герой! Даже не дернулся ни разу, словечка не сказал. А мой бывший так психовал, когда я вела, ужас просто.

– Так вы поэтому развелись? – ляпнул Саша и поморщился: ну что за идиот?

Но Лера только рассмеялась:

– И поэтому тоже!

– Прости, я не должен был...

– Да почему? Тебе ж наверняка интересно. Он мне изменил. С молодой и красивой. Вот и развелись.

Пока Саша вникал в проблемы ноутбука, Лера на скорую руку приготовила ужин: порезала картошку и сунула ее в духовку запекаться, а куриные котлеты она еще вчера понаделала, как знала. Ну да, без компьютера ей только и оставалось, что котлеты жарить. Так, еще салатик сварганить, и все. Вроде бы вино оставалось? Раз Саша не за рулем, можно и выпить. Лера накрыла на стол и заглянула к Александру:

– Саш, у меня ужин готов. Ты как? Прервешься? Или хочешь доделать сначала?

– Да тут и делать-то нечего было.

– Как, уже все? Ура!

Ужинали они очень долго – все разговаривали и разговаривали. А когда принялись за чай, Лера, наконец, осознала, что ей не хочется отпускать Александра. В какой-то момент их взгляды встретились, и оба покраснели. «Неужели он... тоже... хочет?» – Лера побоялась даже додумать эту мысль и впала в легкую панику, потому что никак не ожидала от себя такого определенного и сильного желания. Воздух в небольшой кухне словно сгустился и стал вязким,

а у Леры мурашки побежали по коже. На Сашу она не смотрела, но чувствовала его взгляд. Он вдруг поднялся, и Лера совсем испугалась.

– Ну ладно, – сказал Александр. – Поздно уже. Наверно, мне пора.

– Да, конечно. Тебе же еще ехать...

Голос у Леры дрожал. Они неловко попрощались, и Александр быстро выскочил за дверь. «Ну вот, сбежал, – вздохнула Лера. – И этому я не нужна». Испытывая разочарование и в то же время невольное облегчение, она вздохнула и взглянула на отражение в зеркале, чтобы привести себя в чувство: ишь, размечталась! Но увидев себя, удивилась: неужели это я? Взволнованная женщина, смотревшая на нее из глубины зазеркалья, была очень красива: сияющие глаза, нежный румянец... «Похудела я, что ли?» – подумала Лера. Она достала задвинутые под шкаф весы, встала на них и с дрожью в сердце посмотрела на трепещущую стрелку, которая, покачавшись, остановилась на отметке «69». Не может быть! Как она могла потерять шесть килограмм и не заметить? Вот это да! Конечно, она больше не сидит сиднем целыми днями, а ездит на работу, бегают по этажам и по городу, так что иной раз и поест некогда. Но шесть килограмм! Лера сошла с весов, поправила колесико, снова взвесилась – все так и есть. И уже совсем в другом настроении она отправилась в кухню убирать со стола и мыть посуду.

Глава 5

Эличка

*...пойдем туда, где алый
снегирей день садится на плечо
и обжигает вылепленных вместе —
из одного, из глиняного теста.
И ночи нет. И живы мы еще.*

Светлана Чернышева

Саша дошел до метро, когда сообразил, что оставил у Леры сумку. Он постоял, почесал затылок, вздохнул, потом развернулся и двинул обратно. Лера успела переодеться для сна: на короткую ночную рубашку она накинула халат и придерживала полы рукой, но Саша заметил, что на рубашке изображен мультяшный заяц.

– Извини, что побеспокоил. Я сумку у тебя забыл.

– Сумку? – Лера огляделась по сторонам.

– Наверное, на кухне или в комнате.

– Сейчас посмотрю, – сказала Лера и повернулась было в сторону кухни, но Саша вдруг схватил ее за рукав. Схватил, тут же выпустил и забормотал, с волнением глядя ей в лицо:

– Ты не думай, я не нарочно забыл, я на самом деле. Но раз уж вернулся, то скажу. Я сразу хотел, но не решился. Ты мне нравишься. Очень. И я весь вечер мечтал... тебя поцеловать.

Лера молча смотрела на Александра. Потом пожала плечами и кивнула. Саша шагнул к ней, взял за плечи, наклонился...

Лере показалось, что время замедлилось – за эти пару секунд она успела подумать о тысяче вещей: «Когда же я последний раз целовалась? Неужели это было так давно? Зачем я надела эту ночную рубашку с дурацким зайцем? Хорошо хоть постельное белье свежее... Новое, с цветочками! И помыться успела... Черт, я эпиляцию сто лет не делала! Дура, и о чем я думаю? Может, ничего еще и не будет. А вдруг будет? А я хочу этого? Да! Или нет? Я же...»

Но тут Александр, наконец, ее поцеловал. И Лера забыла обо всем: о дурацком зайце на рубашке, об эпиляции и постельном белье. Она так самозабвенно отдалась этому процессу, что даже в ушах зазвенело.

– Послушай, – прошептал Саша, с трудом оторвавшись от ее губ. – Может быть, мы?..

– Да, – тоже шепотом ответила Лера.

– Только мне надо бы в душ...

– Иди. Там полотенце – коричневое, большое.

– Я быстро! – крикнул Саша, исчезая за дверью ванной.

Лера постояла, потом медленно повернулась и пошла в комнату сына. Все мысли вымело из ее головы как помелом, но одна все же задержалась: «Надо же... как-то... предохраняться. Вряд ли у Саши есть с собой... А у Федьки наверняка где-то запрятано». И вернувшийся из душа Александр обнаружил, что Лера сидит на кровати с блестящей полоской упаковок презервативов в руках.

– Ты обо мне слишком хорошо думаешь, – сказал он. – Тут же целая дюжина!

Лера страшно покраснела и закрыла лицо руками. Саша подошел и обнял ее:

– Я пошутил, пошутил. Просто я волнуюсь и несу всякую чушь.

Он был голый и мокрый – вытерся кое-как и обмотался тем самым большим коричневым полотенцем. Лера смущенно посмотрела ему в лицо и призналась:

- У меня очень давно ничего такого не было.
- У меня тоже. Но ты же не думаешь, что мы разучились?
- Не попробуем – не узнаем.

Лера нервно усмехнулась и, плохо понимая, что делает, провела рукой по его еще влажному плечу, неожиданно крепкому и загорелому. Она почему-то думала, что Саша окажется хлипким и нескладным – именно так он выглядел в одежде. Но руки у него сильные и мускулистые, да и сложен он хорошо – как Лера ни волновалась, успела разглядеть.

- Ты качаешься, что ли? – спросила она, глядя по его плечо.
- Специально – нет. Хожу в парк иногда, там тренажеры есть. В юности я боксом занимался.

– Боксом? – изумилась Лера.

– Ну да. Я хилый был, как комар, ну и... Решил стать вторым Виктором Рыбаковым! Это советский боксер в легком весе, трехкратный чемпион Европы, семикратный – СССР. Но у меня не вышло... стать чемпионом...

И тут Лера сама его поцеловала. Конечно, они не разучились! Смешно было даже думать об этом. Лежа рядом с Сашей на новых простынях в цветочек, Лера не могла сдержать счастливой улыбки: ее переполняли чувства изумления и восторга, словно где-то внутри зажглась электрическая лампочка – после долгих лет, проведенных с тусклой свечкой. Как Лера ни пыталась изгнать из сознания все воспоминания о бывшем муже, невольно все-таки сравнивала его с Сашей – да разве можно было удержаться! И сравнение было явно не в пользу Волкова. Но больше всего потрясло Леру само произошедшее: она давно махнула на себя рукой и даже не думала, что может кому-то понравиться.

Саша повернулся к ней и сказал:

- А я уж и не надеялся. Все ходил вокруг тебя кругами – то так, то эдак, а ты никак.
- Ну да, я какая-то... несообразительная.
- Ты мне сразу понравилась, с самого первого дня.
- Может, со второго? – улыбнулась Лера.
- Пусть со второго. Ты ужасно милая. И очень хорошенькая.
- Правда? Но я же... толстая.
- Да ну, какая ты толстая, – возразил Александр. – Ты просто пышненькая. Складная такая. И очень аппетитная!

Он с явным удовольствием прижал Леру к себе и поцеловал в шею.

- Расскажи еще! – попросила Лера. – Про меня. Пожалуйста.
- Ты очень женственная. И теплая. Знаешь, как я тебя называл? Эличка! Мне казалось, имя Лера тебе не очень подходит, оно какое-то жесткое. А ты мягкая, уютная.
- Это ты еще не знаешь, какой жесткой я могу быть.
- Нет, не верю. С тобой и поговорить, и посмеяться, и помолчать можно. Ты все понимаешь. Умная, энергичная. Не ноешь никогда. Ненавижу этих баб, что вечно ноют и на весь свет обижены. Улыбка у тебя просто сказочная. А глаза какие? Цветы, а не глаза! Но больше всего мне твои руки нравятся.

– Руки? – изумилась Лера. Она вытянула руку и повертела ее перед лицом Саши. – Да что в них такого?

– Маленькая ручка, трогательная. Я даже специально приходил посмотреть, как ты печатаешь.

- А почему ты мне раньше ничего такого не говорил?
- Лер, я ведь женат. Был.
- А сейчас что? Развелся?

– Еще не успел. Мы только неделю назад окончательно разругались, и я ушел. Все это время думал, что делать. Если здраво рассудить... Зачем я тебе такой сдался: ни кола ни двора? У меня же ничего нет, кроме работы.

– У тебя есть ты! И это очень много. А почему ни кола ни двора?

– Да потому, что мне жить вообще-то негде. Я красиво ушел – с одной сумкой. Дверью хлопнул на прощанье, и все.

– А где же ты жил все это время?

– На выходные я в Питер съездил. Там у меня брат с семьей и дочка – в Репинке учится. К матери не поехал, стыдно. Она у сестры в Ярославле живет. В понедельник днем вернулся домой, хотел оставшиеся вещи забрать. А жена – представляешь? – уже замок поменяла! Меня два дня не было, а она успела подсуетиться. Пришлось вечером опять ехать. Выдержал очередной вынос мозга. Еще одну ночь на вокзале провел. Мог бы у московского брата, конечно. Но у них тесно, самим не повернуться. А потом я с Адой поговорил, и она разрешила на работе перекантоваться. Временно, пока жилье не подберу. Но мне сначала надо подработку найти. Я ж дочке деньги посылаю: она на дневном учится, квартиру снимает вместе с подругой. Я хотел, чтобы она в приличном месте жила. Да и приодеться ей нужно, развлечься. Дело-то молодое. Так что второе жилье я пока не потяну. А в комнате отдыха диван удобный, хорошо. Но только нельзя шастать туда-сюда. Если остаюсь после работы, то ничего. А уйти и потом вернуться – не пустят. Так что мне надо какую-то удаленку найти для подработки.

– А где ж ты сегодня собирался ночевать?

– На вокзале. Лер, только ты не думай, что я... Честное слово, я сумку нечаянно забыл!

– Саш, а почему вы вдруг разошлись?

– Да потому что сходиться не надо было! – воскликнул с сердцем Александр. – Это долгая история.

– Мы же никуда не торопимся – вся ночь впереди, завтра суббота. Расскажи.

– А я надеялся, что мы чем-то более интересным займемся!

– И займемся. Попозже.

– Ну ладно, расскажу. Познакомились мы со Светкой в какой-то случайной компании – мне двадцать восемь, ей – тридцать два. Особенно развлекаться нам и некогда было – начало девяностых, зарабатывали, кто как мог. Я в своей семье главный добытчик – отец наш рано умер. Вернее, отчим, отца я и не знаю. Отчим классный мужик был! У меня еще двое сводных братьев и сестра – мы все девочку хотели, сестренку. А Светка разведенная, с ребенком, и мать у нее больная. Крутилась, как белка в колесе. Сначала-то мы неплохо жили. А потом... Мы с ней очень разные оказались. Я домашний человек, семейный, а она любила погулять. Так что скандалили часто. В общем, только на дочке наша семья и держалась. Янке пяти не исполнилось, когда мы познакомились. Но такой характер! Сила. Светка говорила – вся в отца...

– Подожди! – прервала его Лера. – Ты что хочешь сказать? Дочка, которая в Петербурге учится, это она – Яна? Это ей ты машину отдал?

– Ну да. Вообще-то она Татьяна. Но ей это имя категорически не нравилось, вот и придумала – Яна, Янка. Со школы так и зовем.

– Так она тебе не родная?

– Как это? Самый родной человек, ты что! Я удочерил ее сразу, как поженились. Она такая смешная была! Худенькая, ручки-ножки как палочки, одни глаза. Первый раз меня увидела, совсем не забоялась, сразу заговорила со мной, всех своих кукол принесла. Да какие тогда куклы! Она букву «р» не выговаривала, так забавно картавила. А уходил, за руку взяла – смотрит снизу своими глазищами и спрашивает: «Ты еще придешь?» Я присел к ней и говорю: «Конечно». А она меня ручонками за шею обняла и на ухо шепчет: «Я знаю, ты мой папа!» Ну, и все. Ей сейчас двадцать с хвостиком, как твоему.

– Моему почти двадцать два. А еще не хотели родить?

– Светка не хотела. Да это и к лучшему. В общем, так пятнадцать лет и прожили. И я привык к своей колее, понимаешь? Думал: может, доживем как-нибудь. Янка замуж выйдет, внуки появятся. А потом ты возникла. Ну вот.

– Так ты из-за меня ушел?

– Можно и так сказать. Пообщался с тобой, и что-то мне стыдно стало от собственного прозябания. А поругались мы с ней из-за шахмат.

– Из-за каких шахмат?

– Это тоже долгая история. Я все детство в деревне провел. Дед мой был столяр и плотник, на все руки работник, как он говорил. И я при нем крутился. Стружки, запах дерева! Рубанки, стамески! Я вообще руками работать люблю. И понравилось мне вырезать из дерева всякие штучки. Столько игрушек для Янки понаделал! А когда она уехала, так тошно стало. И тут я увидел в Интернете резные шахматы – увидел и загорелся. Сначала решил повторить, а потом подумал: чем я хуже? Стал свой вариант придумывать, эскизы даже делал. У меня и дерево было подходящее – во дворе липу спилили, я чурбачки подобрал, они как раз в меру высохли. И стал резать. Придумал, что одну часть фигурок отбелю, другую морилкой покрою, вот и будут черные-белые. Доску хотел наборную делать. Но до доски дело так и не дошло, потому что одно дело – эскиз, а другое – в материале. Начал я с главных фигур: король, королева, офицер, конь. А про пешки с тоской думал: шестнадцать одинаковых фигурок, скука. А потом осенило: почему же надо обязательно их одинаковыми делать? Вся концепция у меня поменялась! Те, что уже нарезал, я отставил и стал совсем другой комплект делать. Не каждый день, конечно, работал. Светку это раздражало, хотя я всегда убирал за собой. Короче, уже двенадцать пешек нарезал. Почти два года работы, если первый недоделанный комплект считать. А в ту пятницу прихожу, хотел поработать, а ничего нет. Я к ней: «Где?» А она: «Я все выбросила, мне твоя грязь надоела!»

– Вот зараза! – ахнула Лера.

– Слово за слово, и поругались насмерть. Вон, даже замки поменяла.

– Да-а... Ничего себе история...

– Однажды хотел уйти от нее. Янка еще в пятом классе училась. Повстречал женщину, взволновался как-то, задумался. Засуетился! Но тут Янка тяжело заболела, не до того стало. В общем, не срослось. Иногда мне казалось: если б гулял, пил, скандалил, как Светкин первый муж, она меня больше бы уважала, ей-богу. А так и придаться не к чему было. Вот Светка и злилась. А та женщина – Наталья... Она была настоящая, как ты.

И Саша поцеловал Леру в щеку – неожиданно мокрую и соленую.

– Ты что, плачешь? Ну вот...

– Прямо и поплакать нельзя. Саш, знаешь, я тут подумала... Оставайся у меня.

– Да я же вроде и так остался.

– Не на ночь. Насовсем. Живи у меня.

Александр вдруг как-то напрягся. Помолчав, он сказал:

– Спасибо, конечно, но я справлюсь. Я уже почти нашел подработку. Я ж совсем не для того все это рассказывал, чтобы ты...

– Чтобы я – что? Пожалела тебя, да? Не любишь, когда жалеют? Гордый? – вспыхнула Лера. – А зачем ты тогда обо мне мечтал? Обхаживал? Чтобы один раз переспать и все? Я одна, ты теперь тоже один – почему бы нам не жить вместе?

– Ну подожди, подожди! Вот горячка! Решила мне все свои худшие стороны сразу показать, да?

– Это мои лучшие стороны. Пусти!

Но Александр не отпустил брыкавшуюся Леру, а еще сильнее прижал:

– Прости меня, прости! Ты права, гордыня выиграла. Кому ж охота чувствовать себя неудачником.

– Никакой ты... не неудачник... Саш, ты меня задушишь сейчас! – Лера, наконец, вырвалась и уставилась ему в лицо. – Ты прекрасный человек! Добрый, заботливый, ответственный, мастеровитый. Ты отказался от собственной жизни ради ребенка. И ты не виноват, что тебе в придачу такая дура и стерва досталась. Да, мне тебя жалко. И что тут такого... обидного... не понима-аю...

И Лера снова всхлипнула.

– Эличка, не надо. Я согласен, согласен! Я только и мечтал об этом. Честно.

– Все ты врешь.

– А вот и нет. Только... Что скажет твой сын?

– Вот он вернется через три недели, тогда и послушаем, что он скажет. Ничего, ему есть где жить. Он вообще у меня самостоятельный. С детства такой был. А дочка твоя как отнесется?

– Нормально. Она всегда на моей стороне.

– Да-а, надо же, а я была почему-то уверена, что ты разведенный, – сказала Лера, теснее прижимаясь к Сашиному боку.

– А это что-нибудь изменило бы? Сегодня?

– Нет, – призналась Лера. – Я ведь тоже весь вечер об этом думала. Я так тебя хотела!

Они поцеловались, а после еще долго лежали, приткнувшись друг к другу и осмысливая произошедшее. Лера улыбалась, даже не замечая этого: давно ей не было так хорошо и спокойно на душе. Она вспомнила Сашино «Эличка!» и подумала, что ей нравится это имя. И правда, Лера – это что-то жесткое, решительное, непримиримое. А Эличка – существо воздушное, кокетливое и шаловливое. Это было непривычно, но приятно. Она довольно вздохнула, потерлась щекой о Сашино плечо и нежно прошептала:

– Сашенька...

– Что, милая?

– Просто так. Мне нравится твое имя. Сашенька, хороший мой...

Александр вдруг с силой обнял Леру и уткнулся ей в шею – она почувствовала, как вздрагивают его плечи:

– Я... не привык... к такому.

Он не привык, чтобы его любили, поняла Лера, и у нее снова защипало глаза.

Глава 6

Наталья

*Растревозил день чёртовой травой,
Горизонт уплыл смехом да пургой,
Вроде меня нет, а вроде как и тот.
Вроде меня нет...*

Песня группы «Алиса»

Роман Саши с Натальей был случайным и очень коротким. Да какой роман – пара ворованных ночей и несколько тайных встреч на бегу. Почти семь лет Саша привычно тянул семейную лямку и даже не помышлял ни о каких заходах налево, а потом...

В один из прекрасных августовских дней Саша вернулся домой раньше обычного. Прислушался к голосам на кухне: опять она здесь! Тамара, соседка по подъезду, с которой Светка подружилась, – Саше она не нравилась. Он скинул кроссовки и хотел пройти в ванную, но приостановился в коридоре, потому что услышал свое имя:

– Дура ты, – говорила Тамара. – Твой Сашка классный мужик. Что ты нашла хорошего в этом Лёхе? Он же придурок!

– То и нашла. От моего никакого толку. Ну, в постели.

– А от Лёхи есть толк?

– Все лучше, чем мой валенок. Нравится он тебе? Забирай!

– И заберу! Да таких мужиков, как Сашка, на руках носить надо! Ой...

Она увидела стоящего в коридорчике Александра и покраснела.

Лёха?! Действительно, полный придурок! Нет, он давно догадывался, что Светка гуляет, но чтобы с таким уродом! Саша время от времени еще спал с женой, но без особого энтузиазма, тут она права. Но Светка давно перестала его возбуждать, вызывая лишь чувства жалости и раздражения. Он был не из тех мужчин, что любят сладкие примирения после жарких ссор. Он и ссориться-то не любил.

Тамара вскочила и, неловко протиснувшись мимо мрачного Александра, выбежала из квартиры. Светка убирала со стола и на него не смотрела. Потом поставила разогревать суп, подала тарелку с ложкой, хлеб. Саша вымыл руки, сел за стол – все молча. Съев суп и гречневую кашу с котлетой, он взял из миски большое красное яблоко и смачно откусил. Светка мыла посуду, потом, не поворачиваясь, произнесла:

– Скажи уже хоть что-нибудь.

Саша еще помолчал, а потом сказал, с ненавистью глядя в ее спину:

– Занесешь в дом какую-нибудь грязь – убью.

И ушел. А Светка выронила мыльную губку и заплакала. С тех пор Саша стал считать себя свободным. Конечно, в этом оправдании собственной возможной измены было что-то детское: «Она сама начала!» Но почему он должен хранить верность этой суке?! Он тут же развелся бы, но как же Янка? Саша даже с юристом посоветовался, и тот подтвердил, что ребенка присудят матери. Так что оставалось только терпеть. Он давно понял, что Светка его не любит, но раз уж поженились, надо стараться. Он-то старался, а она не утруждалась. Не сразу Александр осознал, что жена его не уважает и даже слегка презирает: взял ее с ребенком, не пьет, не курит, не скандалит, не гуляет. Полная противоположность бывшему мужу, которого она никак не могла забыть. И Саша чувствовал, стоит тому только поманить ее пальцем, тут же кинется на шею. Иногда он об этом мечтал: пусть бы катилась к нему, а их с дочкой оставила в покое!

Правда, своей новой свободой Саша никак не пользовался – не хотелось. До тех пор, пока к ним на работу не пришла Наталья. Все так ее и звали – полным именем, потому что она была именно Наталья: мягкая, плавная, вальяжная, но при этом улыбочивая и кокетливая. «Кошка домашняя средней пушистости», – говорила она про себя. И правда, что-то в ней чувствовалось кошачье, но уютное и мирное, в отличие от Светки, которая, несомненно, тоже была кошкой, но уличной, подзаборной. Несмотря на «кошачесть», никто к Наталье не клеился, потому что имя мужа не сходило у нее с уст: Толик то, Толик сё. Да еще двое детей! Какие уж тут романы. Вот и Саша просто любовался голубыми глазами, нежными губами, ямочкой на щеке, длинными русыми волосами, небрежно завязанными в пучок. По современным стандартам фигура ее была крупновата – высокая, статная, хорошо сложенная, с пышной грудью, Наталья была классической русской красавицей, словно сошедшей с полотна какого-нибудь Венецианова.

А потом им пришлось вдвоем ехать в командировку в Нижний Новгород. Она обычно не ездила, но так сложились обстоятельства, что больше было некому, и Наталья заметно нервничала. Она прибежала на перрон в последнюю минуту, Саша уже начал волноваться. Ехали они ночным поездом с пересадкой во Владимире, так что ночка предстояла суматошная. Наталья уселась и тут же достала бутылку с водой, жадно выпив сразу треть.

– Фу, замоталась! Мне пришлось детей к своим отвозить, а это далеко. Еле успела. Теперь будет отцу надсада – Дениску в школу провожать. Настя пока дома посидит, обойдется без садика, а школу пропускать нельзя.

– Может, лучше было твоим родителям к вам перебраться?

– Не лучше, – хмуро ответила Наталья и покосилась на Сашу. – У меня муж пьет.

– Толик?!

– Толик-алкоголик. Когда женились, нормальный был. А теперь... Его мать меня винит: не уследила! А как уследишь? Слаб он на спиртное. Мой отец тоже не без греха, но норму знает. А этого от рюмки развозит. Пока я дома, еще ничего. А тут обрадовался, что я уезжаю на три дня, уже и празднует. Я-то надеялась, что хотя бы до завтра продержится, утром мама детей забрала бы. Какое там! Саш, ты только не говори никому, ладно? А то стыдно.

– Конечно, не скажу. Я тебя понимаю.

В Нижний они приехали рано утром, весь день провели на объекте, добравшись в гостиницу поздним вечером. Оглядевшись в номере и разобрав сумку, Саша подумал, что хорошо бы, наконец, нормально поесть. Он постучался к Наталье – ее номер был в другом конце коридора. Дверь была не заперта, и он вошел. Наталья, одетая в синий махровый халат, плакала, лежа на кровати. При виде Саши она поспешно села и вытерла слезы рукавом:

– Ты чего?

– Хотел в ресторан тебя позвать. Наташ, случилось что?

– Да все то же самое. Позвонила своему. Лучше б не звонила! А в ресторан мне не хочется. Опять одеваться, выходить... Может, в номер заказать? Слушай, а давай напьемся! Что-то сил моих больше нет на эту жизнь.

Обслуживания номеров в гостинице не было, поэтому Саша сходил за едой, купив заодно сок и бутылку водки – то, что нашлось в мини-баре, ему не понравилось.

– Почему ты не разведешься? – спросил он после третьей стопки.

– А ты?

Саша вздохнул. Он не выдержал и все-таки рассказал ей про Светку и Яну – еще в поезде.

– То-то и оно, – сказала Наталья, разрывая упаковку сырной нарезки. – Деваться-то некуда. А ведь как я его любила, дурака такого! Со школы. Он был первый парень на деревне, а я – дылда и чумовая лошадь, на полголовы его выше. Ударник в школьном ансамбле. Так молотил, что твой Ринго Стар! И куда что делось? Сначала-то еще ничего жили, а потом он работу потерял, ну и все, понеслось. А, ладно, черт с ним. Наливай!

В конце концов они опустошили и мини-бар. Устроившись на широкой гостиничной кровати, словно на плоту, оба чувствовали себя отрезанными от остального мира. Их плот, мягко покачиваясь, плыл по волнам другой, параллельной, реальности, в которой не было ни Толиков-алкоголиков, ни Светок с их изменами. Саша взглянул на Наталью – она лежала на боку, закрыв глаза. Ее прямые волосы, раньше завязанные в хвост, распустились и мягко сияли бледным золотом. В распахе махрового халата видна была мягкая ложбинка полной груди, где поблескивала золотая цепочка с крестиком. Саша долго любовался, потом тихо спросил:

– Наташ, ты спишь? Я пойду к себе. Закрой за мной дверь.

– Не уходи, – сказала Наталья, не открывая глаз, и схватила его за руку. – Останься.

И он остался. Утром, за завтраком – шведский стол, все как в Европе! – Наталья спросила, внимательно глядя в чашку с кофе:

– Ты же не станешь плохо обо мне думать? Я до сих пор ни разу... ни с кем... кроме мужа.

– Не стану, – мягко ответил Саша, взял ее руку с зажатой чайной ложечкой и поцеловал. – Я все понимаю.

– Спасибо. – Наталья, наконец, улыбнулась и взглянула ему прямо в глаза.

Это было большой ошибкой, потому что им пришлось срочно вернуться в номер. На работу они в этот день сильно опоздали. Две следующие ночи Сашин номер тоже пустовал. Возвращались они прямым дневным поездом и всю дорогу просидели, взявшись за руки. Саша проводил Наталью до электрички – она жила в ближнем пригороде. Они поцеловались, одновременно вздохнули и невольно рассмеялись.

– Смотри, снег пошел! – сказала Наталья, а потом добавила: – Как-нибудь переживем это дело, да?

– Конечно. До завтра!

– Пока.

Снег падал большими мягкими хлопьями. Да и пора – начало декабря. Одна снежинка попала Александру прямо на верхнюю губу и обожгла, другая на нос. Саша постоял, глядя в хвост удаляющейся электричке, и поехал домой, чувствуя, как затягивает душу привычная тоска. Надо было подумать, что рассказать Янке про город – она же пристанет с расспросами! А он только и видел, что Натальин гостиничный номер и... Саша невольно представил разоренную постель и томно потягивающуюся Наталью – обнаженную, розовую, прекрасную. Нет, лучше не вспоминать. На следующий день он Наталью не узнал – серая, потухшая, она тихонько сидела в своем углу и на вопросы сослуживцев вяло отвечала:

– Да простудилась что-то. Продуло, наверное, в поезде.

Они не общались целый день, но вечером Наталья сама подошла к Саше – они остались вдвоем в отделе.

– Наташ, что у тебя случилось? – спросил Саша.

Она всхлипнула и прислонилась лбом к его плечу:

– Мне так тошно! Толик... Он до белой горячки допился! Вчера приехала, а он зеленых чертиков ловит.

– О господи...

– Пришлось сдать в психушку. Он уже раз лечился. Клялся, что больше никогда, и вот...

Наталья подняла голову и с мольбой уставилась на Александра:

– Саш, поедem сегодня ко мне? Пожалуйста! Ты сможешь? Детей я еще не забирала.

Вчера до полночи квартиру отмывала – после того как его увезли.

– Ладно, только на ночь я не смогу остаться.

– Тогда бежим! Как раз на электричку успеем.

Всю дорогу они молчали. Дома Наталья захлопотала:

– Ты, наверное, есть хочешь? Сейчас я что-нибудь...

– Да не особенно. Не суетись, все хорошо.

Они обнялись, но Саша чувствовал, что Наталья как-то напряжена.

– Что-то не так?

– Саш, прости. Наверное, я не смогу. Сама тебя сорвала, и вот... Какая я дура.

– Ну ладно, ладно. Не плачь. Пойдем, просто посидим, поговорим. Раз уж я здесь. Ты покормить меня хотела? Супу у тебя нет? Я очень суп уважаю.

– Супа нет, – вздохнула Наталья. – Прости меня.

– Ну чаю-то дашь?

– Да, конечно! Сейчас поставлю.

Саша с нежностью смотрел на ее расстроенное лицо, потом тихо произнес:

– Ты очень красивая.

Она вдруг улыбнулась совершенно по-девчоночьи, даже нос сморщила:

– Правда?

– Да. Сказочная! Я забыть не могу, все время представляю, как ты...

– Не надо...

Но Александр уже целовал ее. Он приезжал к Наталье еще раза три, когда дети были у родителей. А потом ее Толика выписали, мать Наташи сломала руку, а Янка заболела тяжелой пневмонией. Через полгода Наталья уволилась – нашла работу поближе к дому и поденжней. Первое время они перезванивались, несколько раз пытались встретиться, но все что-то мешало...

Глава 7

Папина дочка

*Папа мой стал такой грустный,
Суп ему кажется невкусный,
По этой по самой причине
Игрушек мне теперь никто не чинит.*

Песня на слова Л. Ивановой

В июле в Москву приехала Янка, и Александр решил познакомить ее с Лерой и Федором. Он страшно волновался, трусила и Лера: а вдруг Яна не одобрит отцовский выбор? Но увидев это сияющее, словно солнечный зайчик, существо, Лера мгновенно успокоилась и вспомнила, как Саша говорил: «Янка всегда на моей стороне». Вроде бы все прошло хорошо: ужин удался, все друг другу понравились, но Саша не выглядел успокоенным.

– Что ты такой расстроенный? – спросила Лера. – У Яны какие-то проблемы?

– Как тебе со стороны показалось – у нас с ней нормальные отношения?

– Конечно. Она тебя обожает, это сразу видно.

– А я?

– Что – ты?

– Как я к ней отношусь?

– А ты сам не знаешь? Странные вопросы ты задаешь!

– Я тебе не все про себя рассказал.

– И что ж такое страшное ты скрыл? – Лера попыталась свести все к шутке. – Банк ограбил?

– Да нет, какой банк... Вообще-то стыдно рассказывать.

– Саша, я никогда не поверю, что ты мог совершить какое-то постыдное дело.

– Не поверишь? – переспросил он растерянно. – А почему?

– Потому что я знаю тебя уже больше полугода, мы живем вместе второй месяц, и я общаюсь с тобой больше, чем с собственным сыном. Ты хороший и чистый человек. На твоём лице это написано большими золотыми буквами.

– Это утешает. Ладно, попробую. Помнишь, как я поссорился со Светкой из-за шахмат? Так дело было не в шахматах...

На самом деле шахматы были только поводом для ссоры – последним камушком, что обрушил лавину. Александр сам не понимал, как он продержался два года после отъезда Яны – она покинула дом, как только ей исполнилось восемнадцать. До этого все искала себя, совалась то в Суриковское, то в Строгановку, но нигде не понравилось. А в один прекрасный день заявила, что хочет поехать в Петербург – поступать в Репинку. Янка рисовала с детства, окончила художественную школу, так что Саша не удивился ее выбору, но Петербург! Брат, конечно, за ней присмотрит... Но Янка категорически отказалась жить у дяди:

– Пап, я буду им мешать. Ты не беспокойся, я уже нашла квартиру. Одна девочка ищет соседку, будем на двоих снимать.

Все она уже нашла и решила, так что Саше оставалось только смириться и раскошиться. Он сам отвез Яну в Петербург, посмотрел квартиру, познакомился с соседкой, которая оказалась милой девушкой немного постарше Яны, студенткой университета. Янка поступила на бюджетное отделение – не зря же столько готовилась! – и с головой погрузилась в новую жизнь. Александр с трудом пережил ее отъезд. К счастью, именно тогда ему удалось устроиться

в «Семейное счастье», и новая работа отвлекала. Он понимал, что теперь можно и развестись: Янка взрослая, ничто не держит его рядом с постылой женой. Но он как-то тянул время, думал, просчитывал варианты, а когда появилась Лера, стал думать быстрее. Но думай не думай – сто рублей не деньги, как говорил его отчим.

А потом они с женой поругались из-за этих самых денег – раньше-то он все тянул на себе. Светка, конечно, где-то работала, получая три с половиной копейки, так что Саша платил за квартиру, раз в неделю закупал продукты, оплачивал наряды. Но после отъезда дочки оставил себе только квартплату – дома он почти не бывал, питался в городе, к тому же Светка толком и не готовила, один перевод продуктов. Когда он не дал ей денег на очередные туфли, Светка разоралась. «Пила бы меньше, вот и на туфли хватало бы!» – сказал он и ушел на работу, а вернувшись, обнаружил, что жена выкинула все его деревяшки. Пока Саша в ярости метался по квартире, собирая вещи, Светка ходила за ним и орала. Он не обращал внимания – наслушался за всю жизнь. Но вдруг ее очередной злобный выкрик его насторожил:

– Что ты сказала?!

– То и сказала! Думаешь, не знаю, как ты за моей спиной Янку обхаживал? Только и мечтал под юбку к ней залезть!

– Свет, ты думай вообще-то, что говоришь, – растерянно произнес Саша, чувствуя, как болезненно сжалось сердце.

– А что тут думать? Все и так ясно. Янка потому и уехала. Сбежала от ласкового папочки! Что, теперь к ней рванешь? Думаешь, она тебе даст?

Александр не помнил, как оказался в машине. Долго там просидел. Думал, вспоминал, проверял себя: неужели он мог нечаянно переступить эту грань?! Нет, невозможно. Ни мысли такой никогда не было, ни желания. Он любовался Янкой, да. Красивая выросла девочка. Его дочка, его солнышко! И теперь эта сука смеет обвинять его?! Так мерзко на душе еще не бывало. Мерзко и... страшно. Он вдруг представил, что Светка разносит эту грязь по знакомым, и похолодел. А потом взял и поехал в Петербург, к дочке. Янка изумилась, открыв дверь, – было семь утра:

– Папа?! Откуда ты взялся?

– Да вот, решил тебя навестить.

– Молодец! Я так соскучилась!

Дочка, одетая в одну тонкую футболку, бросилась к нему на шею, и Александр напрягся, проверяя себя, а потом вздохнул с облегчением: его тело не воспринимало Янку как женщину – никакой реакции. Она захлопотала, готовя завтрак, – смешная, взъерошенная, толком не проснувшаяся. Александр смотрел, как она суетится по хозяйству, и любил так, словно сам ее родил.

– И как это ты сообразил приехать? – ликовала дочка. – Оторвемся с тобой на выходных, да? Куда ты хочешь? К дяде Сереже – обязательно. Попозже позвоню ему. Или ты заранее позвонил? Вот они обрадуются!

– Яна... Я хотел кое-что у тебя спросить...

Ему было так стыдно, что даже руки дрожали. Янка насторожилась:

– Что спросить?

– Скажи, ты никогда не думала, что я... проявляю к тебе мужской интерес? – наконец, быстро выговорил Александр и опустил голову, не в силах смотреть в ясные Янкины глаза. Страшнее минуты не было в его жизни. А вдруг она скажет, что...

– Понятно, – сказала Янка. – Что еще тебе мать наговорила?

Саша судорожно вздохнул – до этого он вообще не дышал.

– Пап, посмотри на меня. Пожалуйста.

Он попытался посмотреть, но в глазах у него все поплыло.

– Папа! Тебе плохо?!

– Мне хорошо, – с трудом выговорил он. – Теперь хорошо. Просто я всю ночь был в пути.
– Ты что, на машине приехал?
– Да. Гнал без остановки.
– Ты с ума сошел! Восемь часов за рулем!
– Девять. Ян, я ушел от нее. Все кончено.
– Наконец-то! Папочка, ты молодец.
– Скажи, почему ты уехала из дома?
– Из-за матери. Она мне тоже мозг выносила этой мерзостью. Говорила, что я тебя соблаз-
няю.

– Вот сука!
– Да ладно, просто она завидовала. Мы с тобой вместе, а она вроде как лишняя. Ревновала. Ну, я и решила уехать, думала, она отвлечется от этих мыслей. Не бери в голову.
– Ян, как это – не бери в голову? Это ж такая грязь. Подсудное дело вообще-то.
– Папа! Прекрати. Ни в какой суд она не пойдет. Да и идти-то не с чем. Я уже совершеннолетняя, а ты мне не родной отец. Прости! Конечно, ты роднее любого родного! Но формально... Послушай, а давай ты останешься тут? Не возвращайся! Работу найдешь, ты же такой специалист классный. Жить можешь здесь, в моей комнате. А я в гостиной буду спать, ничего особенного.

– Да зачем я вам тут нужен, девчонкам? Только мешаться.
– Моя соседка скоро съедет, так что мы с тобой вдвоем останемся. Всего пару недель потерпеть. По мне, так хорошая идея.

Александр молчал. После бессонной ночи он был словно пьяный. Все мысли разбегались. Но одну он ухватил за хвост: Лера!

– Нет, я не могу.
– Почему? Что там тебя держит? – Янка взглядела и улыбнулась: – А-а, что-то все-таки держит! И кто она?

Отец замялся.

– Ладно, не рассказывай! Давай-ка я тебя спать положу, а то ты совсем зеленый.

Саша проспал целый день. Проснувшись, никак не мог понять, где он, но тут вошла Янка:

– Ну и здоров ты спать! Вставай, я тебя покормлю. Я пиццу заказала.

Янка обожала пиццу, гамбургеры, картошку фри и кока-колу. Ненавидела овсяную кашу, творог и лук в супе. Саша знал про нее все: из-за чего плачет, почему хохочет, с кем дружит, какие книжки читает. Они были друзьями – отец и дочка. Разговаривали обо всем на свете, доверяли друг другу. Саша целовал ее на ночь и утешал в горестях, лечил болячки и отвечал на бесчисленные вопросы, заплетал косички и завязывал шнурки, покупал цветные карандаши и акварельные краски, выбирал платье для выпускного и плакал на вручении аттестата. Это ему пришлось успокаивать девочку после первой менструации и покупать прокладки, потому что Янка стеснялась.

Саша лежал, закинув руки за голову, и разглядывал дочь – свет из окна падал прямо на ее волосы, которые окружали золотистым сиянием улыбающееся личико с широко распахнутыми голубыми глазами. Он чувствовал нежность, гордость, а еще горечь и неловкость – оттого, что такая грязная тень легла на их с дочерью отношения. Наверное, это все было написано у него на лице, потому что Янка перестала улыбаться, подошла и села на край кровати. Саша невольно отодвинулся – слишком резко. Глаза дочери наполнились слезами:

– И что, ты теперь будешь от меня шараться, да?! Я не могу и обнять тебя? Поцеловать? Папа, не позволяй ей все разрушить. Я клянусь, что никогда в жизни не видела от тебя ничего, кроме отцовской любви.

Янка всхлипнула и склонилась к нему на грудь. Александр чуть помедлил, а потом обнял дочку и поцеловал в макушку.

– Ну вот, совсем другое дело. Забуди это все! Мы с тобой знаем правду, а на остальных наплевать.

Саша только вздохнул. В воскресенье они с Янкой навестили родственников, а вечером Александр уехал на поезде – его мучило при одной только мысли о том, чтобы снова взяться за руль...

«Так вот в чем дело!» – думала Лера. В самом начале вечера знакомств она заметила некоторую напряженность между отцом и дочерью, но решила, что ей показалось. Дослушав, Лера покачала головой и сказала:

– Да, угораздило тебя вляпаться. Но я понимаю, ради такой дочери чего не стерпишь. Она у тебя чудесная девочка! Умная, красивая, талантливая.

– Лер, ты мне веришь?

– Конечно. Глупости это все. Ничего между вами нет эдакого, я бы заметила. Ты же уверен в себе? Или сомневаешься?

– Уверен, – ответил Саша, но сам почувствовал, как жалко это прозвучало.

– Ты любишь ее, и правильно. Это же не значит, что ты хочешь с ней спать! Или хочешь?

– Нет! – решительно воскликнул Александр и даже рукой взмахнул.

– Ну вот. Дочка тебе правильно сказала: забудь. Светка хотела тебе больно сделать, так не иди у нее на поводу. Не поддавайся.

– Я постараюсь, – уныло пробормотал Саша.

– Лучше скажи, тебе не показалось, что Федя заинтересовался Яной?

– Показалось! Как ты на это смотришь?

– Пока не знаю. Мы же с Яной первый раз виделись. У Федьки были какие-то девушки, но ни одна не задержалась. Он разборчивый.

– Ну, моя-то вообще принцесса на горошине. У нее от кавалеров отбою нет.

– И что? Федя ей не подходит?

– Я этого не говорил!

– Но думаешь?

Они некоторое время возмущенно таращились друг на друга, потом Саша рассмеялся:

– Лер, вот из-за чего мы с тобой сейчас ссоримся, а? Выясняем, чей ребенок лучше? Может, дети сами разберутся, подходят они друг другу или нет?

Лера невольно хмыкнула, потом взъерошила Саше волосы и поцеловала:

– Да мы и не ссоримся.

А сама подумала: «Слава богу, отвлекся от своих мрачных мыслей» – для того и был затеян этот дурацкий спор. А сама задумалась: а вдруг и правда их дети влюбятся? Хотела бы она этого? Лера не знала. Ей нравилась Яна, но как дочь Саши, а не будущая жена Федора. Правда, Лера подозревала, что в этой роли ей ни одна девушка не понравится. Яна красивая, обаятельная, уверенная, веселая, доброжелательная, воспитанная. Но... Лера чувствовала, что ей приходится себя уговаривать, чтобы относиться к Яне по-родственному. В чем дело? Сумел же Саша полюбить ее сына? И Федька его обожает, это было видно невооруженным глазом: иной раз Лера даже ревновала, потому что, встретившись, ее мужчины тут же заводили разговоры на компьютерные темы, в которых Лера не могла принять участие. Она поняла: ее настоятельность вызвана тем, что Яна не родная Сашина дочь. Лера знала про мать Яны слишком много плохого и невольно подозревала в дочери те же пороки. С этим надо было что-то делать, и Лера решила, что будет работать над собой.

Глава 8

Хоббит и Галадриэль

*Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она,
Чтоб посмотреть, не оглянулся ли я...*

Песня Максима Леонидова

А Федя действительно влюбился в Янку. Вернувшись из своего мотопробега по Скандинавии, он слегка изумился произошедшим в жизни матери переменам, но с легкой душой переехал в другую квартиру: Александр ему понравился, а еще больше понравилось, как расцвела за это время его любимая Зайца, хотя какое-то смутное чувство эту радость все-таки омрачало. Ему было неловко смотреть на влюбленных – в их-то возрасте и такие нежности! А услышав, как Александр называет маму, Федя хмыкнул и, улучив момент, насмешливо спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.